

ЛИТИЯ ТАХИНИ

ИКОНОСТАС
ТРИ ОБЕЗЬЯНЫ

18+

Лития Тахини

Иконостас Три Обезьяны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70310902

SelfPub; 2024

Аннотация

Что произойдет с жизнью в городе, где проживает девушка по имени Сепия, если умрет Смерть? Это будет вопрос поэкзистенциальней, чем – «быть или не быть»!

Лития Тахини

Иконостас Три Обезьяны

Все началось, когда старшая кошка Сепии дожила свою девятую жизнь. И до этого, Сепия интересовалась природой смерти, теперь же, размышления приняли настолько интенсивную форму, что и сама Смерть, наблюдая за мыслями девушки, в какой-то момент задумалась над вопросом – кто или что она? Эта мысль подобно вирусу, минуя ее волю, окончательно и бесповоротно внедрилась в мысли Смерти, а через какое-то время, началась внутренняя пертурбация и энергетическая структура «старушки с косой», посыпалась.

Поломка, вернее, распад в небытии Смерти, был внезапным и здорово пугающим. Всполошившись, Верховные принялись восстанавливать глючивший код, но все оказалось гораздо сложнее и сильно дольше, чем предполагалось. В панике, они стали искать ей замену, но Смерти с подобной квалификацией, для данного региона, не находилось, все подходящие и так работали сверхурочно.

Оказавшись в критической ситуации, было принято экстренное решение о временном замораживании данного поселения и запустить буферную программу Сон, так как Жизнь, без противодействия Смерти могла в любой момент рухнуть, и тем самым, автоматически стать смертью. Это грозило еще и тем, что этот будто бы из ниоткуда, возник-

ший вирус, мог прописаться в программу Инь-Янь на главном сервере и стать не частным случаем, а глобальным сбоем бытия не только на подопытных планетах, но и на планетах-лабораториях, где создавались Пространство, Время и прочие структуры, сопутствующие возникновению и поддержанию разных форм жизни. А галактический сбой, где жизнь – отнимает существование, а смерть – дарует его, привел бы к полному обвалу создаваемой, с таким большим трудом и такими же большими финансовыми затратами, Иерархической Матрицы.

В это же время, жизнь в маленьком городке замерла. Все жизненные процессы замедлились во много-много раз. Люди выглядели как мертвые, но вместе с тем, двигались словно живые.

Сепии наяву бесконечно снился один и тот же сон, будто ее кошка, как обычно после сна, выглядела слегка помятой, и по привычке, напрямик направилась к ней, чтобы ее погладили. Но как только Сепия в умилении протягивала ладонь, чтобы разгладить пушистую шерстку, как сон обрывался и начинался сначала.

В этой повторяющейся цепочке событий, она догадывалась, что это не просто сонная петля, и ее сознание в какой-то момент досканировалось до «капитана очевидности», что это – уснувшее бодрствование!

Чем бы оно ни было, Сепия очнулась в нем. Она пристально оглядела свой дом, на первый взгляд, всё было как обыч-

но. Сложности появились, когда Сепия захотела выйти на улицу, но не смогла справиться с этим элементарным заданием, дело было в колоссальной нехватке энергии. Входные двери оставались приоткрытыми до тех пор, пока оставались открытыми ее глаза, и вроде бы все было просто – держать глаза открытыми. Она долго концентрировалась на входной двери и визуализировала свой выход из дома, но как только по-настоящему делала попытку через них пройти – глаза как по волшебству закрывались, а с ними, с треском закрывались и двери. От этих неудачных попыток, все ее руки и ноги были в синяках и гематомах.

Перепробовав всевозможные способы выхода из собственного дома, Сепия совсем поникла духом и прекратив попытки выбраться, в отчаянии уселась в кресло-качалку. Она сделала пару покачиваний и ее взгляд уперся в угол комнаты, где за занавесками пылился новомодный иконостас.

Уже лет пять, как он без дела висел в углу. За все это время, она впервые улыбнулась, при воспоминании о человеке, подарившего его.

По паспорту, его звали Прабхупадой Нахманом, но от этого имени он принципиально отказался и взял себе новое – Панихида Двухметровый и отзывался исключительно на него, стоически игнорируя официальное.

Дело в том, что в городке, в котором жила Сепия, одно время, любили давать гастролы диаметрально противоположные оккультно-религиозные конфессии. Порой одновре-

менно, с проповедями выступали культовые духовные организации с совершенно взаимоисключающей риторикой, например, сатанисты со своим почитанием темных богов и церковь адвентистов седьмого дня. Или на одном конце улицы радостно скакали с ноги на ногу кришнаиты, а на другом – приверженцы кабалы с красными нитками на запястьях, закотивши глаза, вещали о своей избранности.

Подобное случилось и тогда, когда был зачат Прабхупада – одновременно, проповедовали хасиды и веселые нью-эйджевцы-праноеды, лже-праноеды, разумеется. Вот тут-то и случилось очевидное-невероятное – хасид полюбил девушку из нью-эйджа. И закрутился бурный роман между такими разными влюбленными.

Когда через девять месяцев родился ребенок, его отец Мойша Файнзильберг и мать Елизавета Гавнопольская, принявшая духовное имя Шурпанакха Даси, на полном серьезе провозгласили, что плод их любви, это новый супер-герой, спаситель мира, и неважно от какой религии! А еще они сообщили, что недостойны быть родителями избранника божьего, и не найдя детдом, потому что в городе не было брошенных детей, сочли одарить своей милостью первый попавшийся дом на окраине, в котором обитала баба Люба, приглядывавшая за местным кладбищем и дед Григорий, делающий гробы на продажу. Вместе с ребенком, духовно-возвышенные родители оставили записку с его именем и пафосное предсказание, о его великой славе в далеком будущем,

на которую они не претендуют, ибо оба трансцендентальны и лишены эгоизма. На этом, они беззаботно упорхнули, считая свой родительский долг выполненным.

Вот дед с бабкой и вырастили мальчика, словно своего родного внука. Прабхупада, когда подрос, пошел по стопам своего деда и стал гробовщиком, для души подрабатывая могильщиком. А когда узнал правду о своих биологических родителях – возмутился их безответственностью и взял себе имя Панихида, а фамилию – Двухметровый, в честь глубины могильных ям.

Панихида с детства водил дружбу с Сепией, а когда подрос, то влюбился в нее.

Его ухаживания были странными, такими же были и его подарки ей. За годы его вздыханий, на случай, если она умрет позже него, Сепия получила в подарок вырытую им на кладбище могильную яму, которая все время осыпалась, а также, двухкрышечный гроб сделанный из дуба, чек на оплаченный заранее ритуальный обряд, и те самые иконы, висевшие в ее доме без дела в углу.

Висевшие без дела, до этого самого дня... Отодвинув занавеску и стерев с икон пыль, Сепия включила этот навороченный девайс, так нелепо смотревшийся в ее доме. На экране замелькал визуально понятный интерфейс. Предлагались услуги всевозможных живых и мертвых святых, всех возможных религий и верований, тысячи видов медитаций, ускоренные курсы по просветлению, левитации, праноеде-

нию и силе подсознания. А также, по ведьмовству, колдовству и приворотам, перемещению предметов, чтению мыслей, воскрешению из мертвых, астрологии и прочее, прочее, прочее... Отдельным блоком шла инструкция, как себя вести, в случае, если вас похитят инопланетяне из нло, и всё это подогревало воображение бесконечно всплывающей рекламой пиццы, пива и прочего фастфуда.

Поставив иконостас на режим автомат, Сепия тупо уставилась на экран. Святые все мелькали, а учения не заканчивались, но вся эта пестрая, будто бы отличающаяся друг от друга карусель, неплохо просчитывалась. По факту, все было четко структурировано и направлено на человеческие психотипы. Согласно темперамента, образования, социальной среды и миропредставления человека, предлагалось, якобы на выбор, духовное учение, иногда подавая его под видом интеллектуального.

Важно было, чтобы человек непременно соотнес себя с определенным течением из списка. Как только он бессознательно промаркирует свое сознание подобным выбором, то подсовывая ответы на все животрепещущие вопросы, создавая таким образом чувство комфорта и защищенности, ему с большой неохотой захочется постигать что-то за границами познанного. А если ему станет скучно или он поставит под сомнение свое нынешнее мировоззрение, ведь окружающая реальность сурова и отрезвляющая, то всегда можно помочь сделать ему прыжок в любую другую систему мироописания.

Конечно же, не все люди были одурманены паутиной религии, но даже если человек не находился под влиянием этих структур, то ему просто-напросто не хватало психической энергии увидеть, что за его спиной стоит махина Пристрастного Безразличия. Оно словно зеркало, или вода в безветрие – что радостям, что тяготам человеческим, что любви, что ненависти – способна придавать любые черты и подменить любые понятия – какой эмоцией наделишь ситуацию, тем она и становится. Но, хитростью матричного программирования, это Безразличие на физическую жизнь не распространялось, и на прямую, не влияло – оно проецировало мысли людей на психическое зеркало самих же людей. Его беспристрастная поверхность творила чудеса в виде эмоционального раскачивания. В высшие пики таких наваждений, людям казалось, что они сами творят или ломают свое будущее, или еще как-то влияют на обстоятельства своей жизни. При этом, коварно и незаметно, словно красной нитью, всё и вся, было прошито Судьбой, которая всегда сбывалась. И никто понятия не имел, что зеркало Пристрастного Безразличия, служит лишь ширмой, картонной дурилкой, которой прикрывается Судьба.

Человеческое стремление действовать, менять неудобную ему судьбу, или пасовать и осторожничать – это и есть судьба, ибо если бы всё изменялось от случайных желаний людей, то этот мир рухнул бы уже давным-давно!

Руководят судьбой человечества те, кого не видно глазу и

не слышно уху, их даже звериным нюхом не учуешь.

Действительной властью встраивать свои нематериальные и некорыстные цели под действующие обстоятельства судьбы, могли люди, увидевшие за зеркалом Пристрастного Безразличия, не свою судьбу, нет – она лишь тягостная данность, а саму изнанку физического мира, или закулисы информационного пространства. Но чтобы ее увидеть, да еще и научиться пользоваться ею, необходимо было соединить воедино две энергии – материального мира и мира снов, одна энергия без другой, не приводит в действие сквозное видение.

Напролом соваться внутренним взглядом туда было опасно, обычно Сепия боковым зрением прокладывала маршруты, а после, составляла карты, накладывая их поверх чьих-то старых, сливаясь с коллективным бессознательным, тем самым, маскируя свое присутствие там. Этот путь вел за грань яви и сна. Там постоянно пахло Смертью. Смерть словно кот, метила эту территорию, тем самым, отпугивала как случайно любопытствующих, так и упорно интересующихся. Но Сепии все же удавалось бывать в этом месте дольше положенного, так как Смерть была не только стражем одного из входов в Изнанку, но и проводником между коридорами Сансары, потому не всегда могла вовремя пресечь незаконное вторжение нарушителей. И поскольку Сепия не пачкала мыслями это пространство и умело пряталась за пластом коллективного бессознательного, то Смерть стала закрывать

глаза на ее вылазки за грань дозволенного, а со временем и вовсе привыкла к духу Сепии, так, собственно, они и сблизились. И в итоге, на первый взгляд, такой безобидный пустяк в виде поблажничества, повлек за собою сбой Смерти, из-за которого и завертелась эта история.

Что касается последствий посещения Сепией Изнанки мира, то они не были такими уж безобидными, они все время стремились нанести необратимый удар по ее психике, но Сепия нашла выход, из казалось бы, неподвластной контролю, ситуации. После каждого 99-го посещения Изнанки, она меняла свою личность. Маститые психиатры с радостью диагностировали бы ей шизофрению, но Сепия, по счастью, к ним не обращалась, и как на душевно больных, смотрела именно на слишком уж здравомыслящих людей, не видящих истинную магию вокруг себя.

Как-то Сепии по телепатической связи, пришло голосовое сообщение от своего программиста. Тот в сердцах объяснялся с ней на не совсем понятных ей терминах и сокращениях. Из всего длинного сообщения, она поняла, что он вынужден постоянно усложнять какую-то защиту, переписывать софт и подгружать ее сознание разными усовершенствованными программками, которые она все время взламывает, и он этим, мягко говоря – не доволен!

Сейчас же, сидя перед иконостасом, она поняла, что не такая уж и креативная, раз не может даже открыть двери или окно, и выйти из дому.

И вот так, день за днем, полностью смирившись с ситуацией, опустив руки и отпустив на свободу мысли, Сепия затерялась где-то в лабиринте собственных морщин под глазами, и в этом мысленном бесконтрольном хаосе, одинаково образовывались и бесследно исчезали – новые измерения, осинные гнезда, крысиные норы, природные осадки и прочие пограничные состояния. Ее дом теперь служил вместилищем всему, что только может быть и чего быть не может.

В царившем беспорядке, завелись слова-паразиты, они бегали по стенам, плели свои заговоры, маскируя их под паутину, и этим наводили еще большего мороку на Сепию. Бороться с ними было бесполезно. Сепия окропила углы пучком кинзы смоченным в чесночной настойке, но в отместку, те поселились у нее во рту и неконтролируемым потоком слетали с ее губ сквернословием и прочей бранной чушью, а со временем и вовсе вытеснив ее зубы, проросли в ней своим алфавитом. Было очень сложно и больно пережевывать пищу буквами, поеденными злыми словами, словно кариесом.

Однажды, бесцельно слоняясь по дому, взгляд Сепии метнулся черной кошкой самой себе под ноги и сглазив свои дальнейшие шаги, она упала, и от этого падения, на короткое время пришла в повышенное состояние сознания.

Присев в кресло и глянув на иконостас, она привычно ожидала увидеть Богородицу или какого-нибудь гуру-шиваита со свисающим колокольчиком привязанным к его крайней плоти, или еще какого-то просветленного христианина,

но вместо этого, своевольно запустилась программа Экзорцист, обнуляющая систему иконостаса. Мониторы мигнули и на Сепию безразлично уставились Три Обезьяны. Одна прикрывала рот, другая – уши, третья – глаза.

Та, которая прикрывала рот, внезапно убрала от него свои лапы и принялась рассказывать историю о том, как Шива на одной из планет-лабораторий, был обычным заведующим патологоанатомического отделения, но потрошил он не только трупы, была у него еще и вторая обязанность. К нему доставляли вполне еще живых существ, имеющих нестабильную работу внутренних органов, которым назначалось клиническое обследование, но вместо того, чтобы выявлять их баги и слабую работу внутренностей, отправляя на доработку или отбраковку, он самолично констатировал их смерть, а вырезанные органы сбывал на черном рынке. Именно там он числился первоклассным поставщиком нелегальных органов.

Но будучи аферистом с жадностью восьмидесятой категории, он однажды не выдержал и за большие деньги подсунил печень какого-то синего существа похожего на Шепокляк, выдавая ее за модернизированную печень человека последнего поколения, какому-то влиятельному мену. Печень прижилась четко, но началась трансформация физического тела – всё тайное стало явным.

Шиву сослали на каторжные работы по обустройству, тогда еще только зародившейся Земли. Когда погасло второе

солнце и случился всемирный потоп, он умудрился выжить, а позже, отыскав и припрятав всё навороченное оборудование и блистая талантом рассказчика – стал для землян Богом Шивой. И творил он свои чудеса, пользуясь внеземными технологиями, да приправляя их невероятными историями, пока его и всех остальных каторжных «богов» не изловили Верховные и не предали кремации.

Не успела Сепия опомниться, как вторая обезьяна закрывающая уши, открыла их. На правом ее ухе, сверху была навалена куча длинной, отборной лапши. Мартышка принялась ее интенсивно снимать и перекладывать на левое, а потом, в обратном порядке, на это ушел ровно час.

Пришло время третьей обезьяны, она убрала лапы от своих глаз, в каждой ее глазнице было по три глаза. Было видно, что каждый ее глаз, отдельно от других, рассматривает одну и ту же историю о Шиве, под своим углом зрения. Сепии четко транслировалось, что мнения глаз расходятся и что мозг обезьяны, таким образом, пытается прийти к единому знаменателю. За обезьяной Сепия наблюдала примерно час, она сидела как под гипнозом, пока та – лапами не закрыла свои глаза.

Опомнившись, Сепия вытаращилась на черный экран иконостаса, ее мысли остановились, она перестала что-либо анализировать и наконец осознала, что эти Три Обезьяны – суть некой базовой настройки, что способна влиять на Четвертую Обезьяну, которая в данный момент уступила ей ме-

сто, и теперь Четвертой Обезьяной является сама Сепия.

Всё что ей оставалось сделать – это выслушать советы обезьян и принять правильное решение, относительно ситуации, в которой она оказалась. Но вышло так, что советоваться с ними ей и не нужно вовсе, достаточно было уже того, что она разгадала загадку, почему обезьян почти всегда изображают втроем, хотя по факту, их четыре.

На самом деле, осознать себя Четвертой Обезьяной задача не из легких, не достаточно просто натянуть на себя чужую маску, нужна особая психическая подвижка, чтобы непременно по-настоящему ощутить себя ею.

После такого глобального инсайта, Сепия встала и без всяких усилий наконец-то открыла входную дверь, Смерть собственной персоной стояла прямо на ее пороге. В ее глазницах, словно в игровом автомате, по кругу носились дурашливые обезьянки. Это означало, что Смерть апгрейдившись собственным распадом, собралась из бытия заново и снова проявилась в ее мире, и что теперь всё пойдет как прежде, но все-таки, по-новому.

Позже, когда всё утряслось, Сепия с теплом в сердце вспоминала Панихиду, который все-таки стал, по пророчеству нерадивых родителей – Спасителем Старого Мира, подарив Сепии дивный иконостас. А когда все ее мысли угомонились и расселись по своим местам, как будто птицы на ветках огромного дерева, на какое-то мгновение, она достигла долгожданного просветления за которым все так гоняются, и ей

стали ясны все эти, на первый взгляд – бессмысленные, а под час, и жестокие божественные игры. Но в другой момент, она снова от растерянности потирала виски, не понимая, зачем ей выпал такой нефартовый жребий – родиться в этом мире.